

СОФЬЯ ГОЛОВАНОВА

КОДЕКС НОТАРИУСА

Статья 8.

НОТАРИАЛЬНАЯ ТАЙНА

Нотариус не вправе разглашать сведения, ставшие ему известными при совершении нотариальных действий.

НОТАРИАЛЬНАЯ КОНТОРА
Э. ДЖЕРРОУ

Ничего
НЕПРИЛИЧНОГО

МЫ ЗАВЕРЯЕМ ДОКУМЕНТЫ,
А НЕ СУДЬБЫ.

Остальное — к викарию.

Софья Голованова

Ничего неприличного

«Автор»

2026

Голованова С.

Ничего неприличного / С. Голованова — «Автор», 2026

У нотариуса Элайджи Джерроу проблемы. Нет, не с законом. С клиентами. Ему предлагают заверить салфетку с помадой как доказательство измены, признать интернет-тест на молодость души юридическим документом и оформить договор о ненамерении для девушек до двадцати пяти. А ещё кто-то хочет стать королём Бромли. Но когда пропадает одна из посетительниц, Бриггс, бывший десантник и сторож конторы, начинает неофициальное расследование. Добро пожаловать в Бромли-на-Вереске. Здесь ничего неприличного не происходит. Но нотариусу всё равно приходится краснеть.

© Голованова С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
***	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	13

Софья Голованова

Ничего неприличного

Пролог

Данное произведение является художественным. Все персонажи, события, организации и диалоги, описанные в этой книге, являются вымышленными и созданы автором. Любые совпадения с реальными людьми, ныне живущими или умершими, компаниями, событиями или ситуациями являются непреднамеренными и случайными.

Эта книга представляет собой сатиру и отражает субъективное видение автора, не претендуя на документальность или точность в описании каких-либо реальных рабочих процессов или личностей.

Автор не ставил целью оскорбить или дискредитировать кого-либо. Книга призвана развлечь читателя и поразмышлять на тему абсурдностей, которые, по мнению автора, могут встречаться в социальной жизни.

Посвящается самым смелым и тем, кто решает проблемы креативно.

В далекой глубинке восточной Англии, где воздух пропитан бывшим текстильным производством, а до Лондона ехать три часа поездом и сорок минут на автобусе, который ходит дважды в день, открываются двери в здании бывшей почтовой службы.

На крыльцо выходит мужчина, одетый в тёмно-синий костюм-тройку в тонкую светлую полоску. Он крутит в руках потухшую сигару и разглядывает рассветный маленький городок Бромли-на-Вереске, просыпающийся ото сна. Где-то вдалеке слышно жужжание стрекоз, которые стали визитной карточкой этого места. Проглядывались вересковые заросли на пустошах на окраине. Тишина, которая скоро будет наполнена куриным гомоном.

Следом за мужчиной, слегка хромя, вышел второй — бывший десантник, ирландец, вышедший на пенсию, но не забывший свои истинные повадки. Бриггс вздохнул и взглянул на карниз.

— Летучие мыши совсем обнаглели, — буркнул он с грустным взглядом уставшего человека.

— Кевин, — с легкой улыбкой заявил мужчина в костюме-тройке, обернувшись. — Мышей хотя бы можно прогнать.

Элайджа Джерроу вздохнул и зашел обратно в здание, вывеска на котором гласила: «Нотариальная контора Э. Джерроу». Внизу — приписка более мелким шрифтом, выцветшая и почти стёртая на тёмном цвете здания: «Мы заверяем документы, а не судьбы. Остальное — к викарию». Снизу прибита табличка, которая выглядит относительно новой: «Вход без предварительной записи — только если за Вами гонится закон или гусь».

С гусём вышла интересная история — это давний жилец под мостом у реки Бромли, который однажды начал терроризировать проезжавшего мимо на велосипеде почтальона. Тот доехал в истерике до почтового отделения, чуть не оказался загнанным в угол, но вовремя заперся. С тех пор гусь иногда проверяет обстановку у входа в контору.

Бриггс прозвал его Адмиралом и пускает время от времени закусить хлебом, уточняя, что «он — без паспорта, но с твердыми намерениями».

Бриггс недолго постоял на крыльце, вдыхая в свои легкие ещё такой свежий утренний воздух и прогреваясь от первых лучей солнца. Затем он зашел вслед за Джерроу в здание, как только услышал пение петухов.

День обещал быть нелёгким.

Глава 1

Элайджа Джерроу давно понял, что каждый человек в мире преследует свои цели. Ему довелось увидеть очень многое в жизни и оказаться в разных ситуациях. Этого мужчину проще всего понять, когда попадаешь в его кабинет.

Маленькое темное здание с потрескавшимися стенами внутри оказывалось не больше. Сразу у входа был стол, за которым проводил своё рабочее время Бриггс. Журнал учета посетителей, парочка бумаг, резной стакан воды, который всегда наполовину полон. Чуть далее по тесному коридору можно было дойти до кабинета мистера Джерроу.

Стены покрыты старыми темно-зелеными обоями. Стол из темного дуба с небольшим креслом, а на стене позади — висит герб Англии — три льва на аллом фоне. Немного правее можно заметить кодекс нотариуса в рамочке, где жирным выделен пункт о нотариальной тайне. На столе идеальный порядок — две стальные ручки, весы правосудия. Никаких бумаг.

И хотя при входе в контору пахнет табаком, но в кабинете Джерроу всегда царит запах старого дуба и кожи.

Прозвенел первый звонок, когда открылась дверь в контору. Элайджа машинально глянул на наручные часы и зафиксировал — 8 утра, 28 минут. Запах табака из коридора смешался со сладким запахом дорогих духов. Бриггс кашлянул и взял ручку.

— Имя? — вяло спросил он, не глядя на посетителя.

Перед ним стояла молодая женщина. Ухоженная дорогая одежда, много косметики на лице, хотя и не яркой. Маленькая сумочка в руках, тугой пучок на голове. Ни одной лишней волосинки, торчащей не в ту сторону. Женщина прочистила горло.

— Изабелла Дрейн, — мягко сказала она, оглядывая коридор. Бриггс её совсем не интересовал, зато взгляд то и дело застыл на двери в кабинет Элайджи.

— Не по записи, — заключил охранник, откладывая ручку. Он взглянул на женщину пристальным холодным взглядом так, что у неё дернулось плечо.

— Мне по срочному делу, — нервно ответила она, бегло оглядывая лицо мужчины и журнал посещений.

— Так не принято, — твёрдо заключил Бриггс. — Мистер Джерроу в курсе?

— Нет... Пожалуйста, я буквально на 10 минут. Деликатная консультация.

— Мисс Дрейн... — начал говорить Бриггс.

Из кабинета Джерроу донесся бархатистый низкий голос.

— Мистер Бриггс, всё в порядке. Пропустите.

Бриггс ещё раз окинул холодным незаинтересованным взглядом женщину и кивнул головой в сторону дальше по коридору. Изабелла нервно слотнула и быстро застучала каблуками по деревянному старому полу в кабинет нотариуса.

Внутри её встретил за столом ухоженный мужчина средних лет. Элайджа сидел и предложил посетительнице присесть, предварительно закрыв дверь.

— И Вам доброго утра. Деликатная тема в такую рань — интригующе. Чем могу помочь? — доброжелательно спросил Джерроу, откидываясь на спинку кресла. Он изучающе осматривал мисс Дрейн, от чего она слегка поёжилась и стала нервно крутить помолвочное золотое кольцо с бриллиантом на пальце. Она тяжело вздохнула и поставила маленькую дорогую сумку на дубовый стол. Её большие губы, покрашенные помадой, стали ещё больше, когда она открыла рот.

— Мне нужно заверить долю на дом, — выпалила женщина, пристально глядя в глаза Элайдже.

Наступила секундная тишина.

— Хорошо. Для этого требуются документы на покупку доли и полное описание дома с местоположением, — ответил Джерроу, не пошевелившись и не поменяв выражение лица.

— Этого нет... это не совсем мой дом. Мой, м, молодой человек хочет переписать часть доли на дом на меня.

— Молодой человек не может прийти сам?

— Дело в том, что он... не совсем свободен. Он не может прийти сюда, иначе его жена сразу об этом узнает.

Тишина снова охватила пространство небольшого кабинета.

— Мисс Дрейн, надеюсь, Ваш... молодой человек в курсе, что половина дома законно принадлежит его жене?

Изабелла подалась слегка вперед грудью.

— Мистер Джерроу, — сказала она, и её голос приобрёл ту особую интонацию, с какой объясняют прописные истины непонятливому ребёнку. — Вы не совсем уловили суть. Его жена — это... как бы Вам сказать... техническая деталь.

Джерроу чуть приподнял левую бровь. Это было единственное, что шевельнулось на его лице за последние три минуты.

— Техническая деталь, — повторил он. — В юридическом смысле супруга — это заинтересованная сторона, а не техническая деталь. Но продолжайте.

— Ну, да. Брак по расчету. Семья настояла на женитьбе с женщиной, которая имеет ту же национальную принадлежность.

— Мисс Дрейн, — Джерроу поправил стальную ручку на столе ровно на миллиметр левее. — При всём моём уважении, брак с женщиной равной национальной принадлежности не аннулирует право собственности.

— Да, да, конечно. Но мы приняли решение, что он должен мне помогать. И единственный способ обеспечить мне жизнь — это переписать часть доли на меня, чтобы я не жила на улице.

— Единственный способ? — повторил за ней Элайджа.

Изабелла наклонилась ближе к столу. Она скрестила ногу на ногу.

— Мой молодой человек... — она запнулась, поправила пучок на голове, хотя ни одна волосинка не выбилась. — Он очень богатый человек. У него несколько объектов недвижимости. И он обещал мне именно этот дом. Тот, что у озера Блэкмир. Ну, не совсем у озера — скорее, с видом на него. Если встать на цыпочки в спальне на втором этаже.

— Красивое место. Я знаком с этим домом.

— Да! — она просияла так, будто он только что согласился заверить долю прямо здесь и сейчас. — Именно! Вы понимаете...

— Я понимаю, — перебил её Джерроу мягко, но непреклонно, — что мистер Монтегю женат уже восемнадцать лет. И миссис Монтегю, урожденная Стаут, внесена в поземельный реестр. Она — совладелец.

Изабелла дернула плечом. Потом вторым. Потом, кажется, попыталась взять себя в руки и замерла, стиснув сумочку так, что побелели костяшки.

— Но на его долю, ведь, не требуется её согласие, верно?

— Мисс Дрейн, — произнес он, и его голос стал еще на полтона ниже. — Вы предлагаете мне заверить сделку по разделу дома, один из владельцев которого даже не знает, что этот раздел планируется. Этот же один из владельцев, как я предполагаю, не знает и о Вашем существовании. А второй... — он сделал паузу ровно на одно биение сердца, — второй, как я понимаю, пообещал Вам то, чем не может распорядиться единолично.

— А у меня есть запись его обещания. Я записала его на диктофон, — женщина схватила свою сумку и принялась там копать.

— Мисс Дрейн, — Джерроу подался вперёд, и в его глазах мелькнуло то выражение, которое Бриггс называл про себя «сейчас он её добьёт, и мне придётся вызывать викария». — Давайте подведём итог. Вы хотите заверить долю на дом, который принадлежит женатому мужчине. Его жена — «техническая деталь», которая, к сожалению для Вас, имеет юридический вес. Вы не являетесь его родственницей. А единственный документ, который у вас есть, — это устное обещание, пусть и диктофонное.

Изабелла бегло осмотрела лицо нотариуса. Её взгляд сменился на раздраженный.

— Хорошо. Что, если тогда не долю, а сделать меня его иждивенкой? Чтобы он мог меня содержать? Но жена не должна быть в курсе.

Джерроу второй раз за весь диалог приподнял бровь.

— Простите?

— Ну, смотрите. Я читала где-то, что, если человек находится на иждивении, он имеет право на проживание. На жилплощадь. Я буду его иждивенкой. Официально. С печатью. Он будет меня содержать, а я буду... ну, украшать его жизнь. Это же юридическое понятие? Украшение жизни?

Джерроу медленно, почти незаметно потёр переносицу. Где-то вдалеке за окном прокричал петух — и в его крике слышалось что-то отдалённо похожее на смех.

— Мисс Дрейн, — начал он, и его голос был всё ещё безупречно ровным, хотя где-то в самой его глубине, на дне этой бархатистой низкой ноты, уже плескалось веселье. — Иждивенство — это статус, который присваивается несовершеннолетним детям, нетрудоспособным родственникам и в исключительных случаях — престарелым родителям. Вы, насколько я могу судить, не являетесь ни ребёнком, ни родственником, ни...

— Но я могу заболеть! — с энтузиазмом перебила она. — Могу стать временно нетрудоспособной. Очень временно. На время оформления. Скажем... у меня мигрень. Хроническая. От стресса. Я могу принести справку.

— От врача?

— От любого. В Бромли есть врач?

— Есть. Доктор Паддингтон. Он лечит коров и иногда — людей. Но в основном коров.

— Коровы болеют мигренью?

— Насколько мне известно — нет.

— Тогда он не подойдёт, — сказала Изабелла таким тоном, будто это Джерроу предлагал ей воспользоваться услугами ветеринара. — Нужен другой врач. Может, в Лондоне? Я могу съездить.

— Мисс Дрейн, — перебил её аккуратно Элайджа. — Это по-прежнему не решит вопрос родства.

— Тогда мы можем письменно заверить его обещание подарить мне долю?

В кабинете повисла пауза размером с озеро Блэкмир. Джерроу смотрел на Изабеллу. Изабелла смотрела на Джерроу. Три льва на гербе Англии смотрели на них обоих с видом крайнего неодобрения — или это было просто алое свечение фона.

— Мисс Дрейн, — сказал наконец Джерроу, и уголок его губ едва заметно дрогнул. — Вы предлагаете мне нотариально засвидетельствовать звук. Вы хотите, чтобы я поставил печать на эхо.

— Ну... да. Эхо бывает очень убедительным.

— Боюсь, убедительное эхо — это всё ещё эхо. А нотариальная печать на эхо не ставится, потому что ей не на что падать. Печать — она материальна. Ей нужен документ. Бумага. Чернила. Хотя бы одна сторона, на которой можно расписаться. Устное обещание — это, знаете ли, как туман над Блэкмиром: красиво, атмосферно, но для регистрации права собственности совершенно непригодно.

Изабелла слушала его, и в её глазах медленно, как рассвет над пустошами, занималось понимание. Непонимание, одетое в форму понимания.

— Значит, — сказала она медленно, — если я приведу его сюда. Прямо сейчас. И он повторит своё обещание при Вас. Вслух. Вы его запишете. А потом заверите запись...

— Я могу засвидетельствовать, что голос принадлежит мистеру Монтегю. Но содержание его речи — обещание подарить Вам четверть дома — останется обещанием. Не документом о передаче собственности. Не дарственной. Обещанием. Я заверю факт обещания, а не факт подарка. Понимаете разницу?

Изабелла кивнула. Потом покачала головой. Потом снова кивнула.

— То есть, — сказала она, — Вы заверяете, что он обещал. Но Вы не заверяете, что он должен исполнить.

— Именно.

— И какой в этом смысл?

— Никакого, — сказал Джерроу с той честностью, которую позволял себе только в присутствии Бриггса и особенно безнадёжных клиентов. — Но Вы заплатите тридцать фунтов за консультацию. Или пятьдесят, если с элементами фантастики.

Изабелла встала. Взяла сумку. Поправила пучок. Посмотрела на Джерроу долгим взглядом, в котором смешались обида, уважение и что-то, похожее на азарт.

— Я приведу его, — сказала она твёрдо. — Завтра. Или послезавтра. И тогда Вы увидите. Он меня любит. Он сам мне сказал. А слова, мистер Джерроу, — она наставила на него палец с идеальным маникюром, — слова важнее бумаг. Вы же сами это знаете. Вы же гуманитарий.

— Я нотариус, — сказал Джерроу.

— Это одно и то же.

И она вышла. Каблуки простучали по коридору — на этот раз в их стуке слышался не пораженческий цокот, а боевой марш. Дверь хлопнула.

Бриггс перевернул страницу журнала и подвинул стакан воды.

— Кевин? — донеслось из кабинета.

— Сэр?

— Запишите: «Обещала привести Монтегю. Готовьте чай на две персоны и, пожалуйста, проверьте, не заперт ли пожарный выход».

— Чай для них?

— Для нас. Чтобы нервы раньше времени не сдали.

Бриггс взял ручку и в графе «Примечания» вывел:

«Обещание. Туман. Чуда не случилось, но ожидается продолжение».

Потом подумал, зачеркнул «Чуда не случилось» и написал: «Чудо перенесено на завтра».

Глава 2

Как бы ни было удивительно, но мисс Дрейн не объявилась более на неделе. Зато заходил Адмирал — Бриггс слегка почесал его по голове и дал хлеба. Гусь довольно загакал и отправился восвояси.

Конечно, на неделе и без мисс Дрейн хватало странностей.

Буквально на следующий же день в нотариальной конторе Э. Джерроу прозвенел звонок. Но уже по записи — Бриггс тщательно проверил журнал. Он поставил пометку напротив графы «Посещение» и равнодушно пропустил мужчину.

— Мистер Харрисон, — доброжелательно сказал Джерроу, снова усаживаясь поудобнее в своём кресле. Он предвкушал интересный диалог.

30-летний Дэвид Харрисон с небольшим выпирающим животом, но с зачесанной гелем шевелюрой неловко сел в кресло для посетителей. Он казался немного потерянным, что Элайдже даже захотелось его пожалеть. Но это чувство пролилось весьма недолго.

— Чем могу быть полезен? — спросил нотариус, скрещивая руки на столе.

— Мне нужно заверить документ, который подтверждал бы, что я могу пожизненно работать, — сказал мягким тоном Дэвид. Его глаза были широко раскрыты, — не от удивления, скорее от желания казаться весомее.

Маленький мускул на лице Элайджи дрогнул, но он быстро взял себя в руки.

— Мистер Харрисон, я подозреваю, что это право и так у Вас есть. Не пожизненное, но долгосрочное, закрепленное законодательством страны, — серьезно ответил он клиенту. Тот почесал нос.

— Конечно, конечно. Но я не об этом. Я имею ввиду, чтобы без увольнения.

Джерроу внимательно посмотрел на посетившего его мужчину.

— Вы хотите, чтобы я заверил, что Вы не можете работать? — уточнил он, не совсем понимая сути.

— Нет, я хочу, чтобы я работал. Но в смысле, чтобы числился. Всегда.

Нотариус помолчал, взял одну из ручек на столе, достал лист бумаги.

— Кем Вы работаете, мистер Харрисон? — спросил он мягко.

— Я... э... менеджер по согласованию.

— Можно поподробнее?

— Да, ну, я согласовываю, чтобы другие согласовали. Это очень важно. Без меня они бы не согласовали многие документы.

Джерроу поднял глаза исподлобья на Дэвида, который сидел с такими же широко раскрытыми глазами. Его щеки будто стали больше.

— Так, возможно, мы идем не тем путем. Давайте вернемся к истокам. Вы говорите, что хотите, чтобы я заверил документ, в котором Вы пожизненно числитесь сотрудником в компании как менеджер по согласованию, без которого ни один документ не был бы согласован?

— Именно так.

— Если Вы незаменимы в своей работе, то зачем Вам этот документ? Работодателям невыгодно увольнять ключевых сотрудников. Да и на рынке Вы всегда будете востребованы.

Харрисон почесал затылок, и его шевелюра слегка растрепалась.

— Работа — это громко сказано. Я присутствую, и этого достаточно.

Джерроу откинулся на спинку своего кресла. Ручка снова покоилась на столе.

— Мистер Харрисон, Вы просите меня заверить документ, который лишает Вашего работодателя законного права Вас уволить.

— Да, и пометить, что это нанесет огромный ущерб экономике этого предприятия, — кивнул Дэвид, указывая на лист бумаги на столе.

Элайджа пристально смотрел на мужчину. Тени из окна отсвечивали на стенах. Вечереет. Их диалог не может продолжаться вечно.

— Чтобы этот документ имел силу, требуется добровольное письменное согласие работодателя. Как Вы планируете убедить его это сделать?

— Ну... Вы же нотариус. Вы можете как-то... оформить без него? — помялся Харрисон. Джерроу приподнял свою бровь.

— Нет.

— Совсем нет?

— Совсем.

Мужчина сжал губы и от этого выглядел ещё нелепее. Но нотариусу уже не было его жаль.

— Никакого акта о несменяемости? Сертификата незаменимости? — уточнил он, называя несуществующие в природе документы.

— Нет, — твёрдо ответил Джерроу. За последнюю минуту он не шевелился, но взгляда от посетителя не отводил. Дэвид поёжился.

— А если я попрошу не пожизненно, а на десять лет? — неловко добавил он.

— Это ничего не меняет, — невозмутимо ответил Элайджа.

— А на пять?

— Нет.

Дэвид коснулся своей гелевой чёлки кончиком мизинца и облизнулся.

— А в других странах такое существует?

— Если Вы найдете такую страну, я сам туда эмигрирую.

Харрисон несколько раз нервно моргнул.

— Тогда... можно ли составить договор, в котором будут перечислены обязанности, которые я не должен выполнять?

Элайджа наклонился чуть вперед.

— Например?

— Ну, не отвечать на звонки до 11 утра. Не посещать совещания по пятницам. Не открывать файлы на компьютере. Не предлагать идей. Не...

— Я... уловил суть. Мистер Харрисон, боюсь такой договор тоже потребует подписи работодателя.

Наступило гробовое молчание.

— А если я всё-таки... приведу его сюда? И Вы на него посмотрите? У Вас взгляд внушительный.

Внутри головы Джерроу раздался громкий смех.

— Боюсь, мой внушительный взгляд оплачивается по другому тарифу, недоступному Вам.

— Очень жаль...

Харрисон, сгорбившись, поднялся с кресла и последовал на выход. Джерроу последовал за ним, но не на улицу, а к Бриггсу.

— Мистер Бриггс, пометьте, пожалуйста, рядом с именем клиента — «Работа. Пожизненно. Согласовывает согласования. Согласование недоступно».

Бриггс хрипло посмеялся и быстро прописал в журнале сказанное. Стакан на его столе был почти пуст.

Глава 3

Следующий день радовал теплой погодой и особенно ярым жужжанием стрекоз. Бриггс изнывал от пота, хотя и не подавал виду, лишь увеличил количество воды в резном стакане.

Окна конторы были открыты чуть шире. Джерроу стоял около одного из них и глядел на вересковые пустоши. Сегодня он почти не притронулся к сигаре. Сегодня он подражал Бриггсу, попивая воду из похожего резного стакана.

Дверной звонок прозвенел. Элайджа медленно вздохнул и сел за стол, ожидая очередного клиента.

Тревор Финч. Мужчина, ухоженный, опрятно одет, носит яркого цвета кроссовки, но при первом же вопросе Бриггса надул губы, опустил голову и затеребил ноготь. Тот его пропустил, запивая удивление ещё большим количеством воды.

— А, мистер Финч! Приветствую, — доброжелательно заявляет Джерроу.

Финч улыбается и садится в кресло, закидывая ногу на ногу.

— Да, добрый день, — почти сладко растекается клиент. — Такая погода сегодня. Даже удивлен, что Бромли может так душить жарой.

— Мы все удивлены.

— Когда вчера ехал из Лондона, вспоминал, что здесь очень ветрено. А сегодня — ни единого намека.

Джерроу опрокинулся на спинку кресла.

— Так Вы не здесь проживаете?

— Нет, нет, я переехал лет пять назад. Когда развёлся. Так себе причина, конечно, но какая есть...

— Что ж, чем могу помочь?

Мистер Финч широко улыбнулся и достал из своего кожаного портфеля листок бумаги. Он положил его на стол.

— Это сертификат о биологическом возрасте 25 лет. Я бы хотел его заверить, — сладостно проговорил клиент.

Джерроу протянул руку и подвинул лист. Обычная распечатка из интернета с заключением о молодом мышлении из психологического теста.

— Вы хотите заверить... результат интернет-тестирования.

— Не просто тестирования. Это помогло мне понять, что моя энергичность и легкость подтверждаются тем, что я молод душой. Мой настоящий биологический возраст — 25 лет. Моя молодость, мои перспективы — всё ещё впереди.

Джерроу пристально посмотрел на мистера Финча.

— Для чего Вам подобный документ, осмелюсь спросить?

— Понимаете, после развода я имел ряд кратковременных романов. И женщины, они будто разучились видеть перспективы. Они узнают мой возраст и говорят «ну, 40 лет — не так уж плохо». Они не замечают моего оранжевого Порше. Они не видят, что я бывший владелец бизнеса. Им застилает глаза мой возраст на бумаге. Поэтому, чтобы жениться повторно, мне важно заверить данный документ, что я ещё молодой... самец. Понимаете меня? — с улыбкой и хитростью заявил Тревор, сверкая зубами.

Элайджа взглянул на львов на гербе позади. Кажется, львы поседели.

— Это тест в интернете.

— Да, но я прошел его честно. 40 вопросов.

— И тест показал 25 лет, как истинный возраст?

— Ну, 25 лет с половиной, потому что я пью много вина. Но это тоже для здоровья, так что, не считается.

— Боюсь, это считается.

— Тогда давайте заверим 25 лет, а про вино никому не скажем.

Джерроу медленно вздохнул.

— Мистер Финч, боюсь, этого мало для доказательства Вашего молодого возраста...

— Конечно, я понимаю, — заявил Тревор и начал доставать из портфеля фотографии, раскладывая их по столу Джерроу. — Здесь мне 32 года, а здесь мне 28 лет. Вы только сравните с тем, как я выгляжу сейчас. Ничего не меняется! Конечно, это ещё и заслуга антивозрастного крема, но это мы тоже никому не скажем...

Элайджа мысленно теряет, хотя виду не подает.

— Мистер Финч, я нотариус, а не косметолог.

— Но у Вас же на столе весы. И глаз наметан. Посмотрите только: вот тут я, мне 28 лет. И я сейчас. Есть разница? — с улыбкой ответил Финч.

— Есть.

— Это мудрость! И качество печати. Женщины её чувствуют, но им важен бумажный возраст. Его-то мы и исправим, правда?

— Мистер Финч, боюсь, для этого потребуется заключение врача.

— Зачем? Нет же врача, который заключает молодость души. Вы же можете заверить подпись души?

— Души не подписывают документы.

— А что подписывают?

— Ничего. Души, насколько мне известно, вообще не пользуются нотариальными услугами. Только тела.

— Тогда заверьте, что подписывает же рука моя, значит и тело подписывает. И душа вместе с ним.

— У Вашей души есть паспорт?

— Нет, я могу подписаться дважды — и за тело, и за душу.

Джерроу на секунду показалось, что стрекотание насекомых с улицы полностью перекрыли звуки кабинета. Он сделал маленький глоток воды из резного стакана. Жара становилась невыносимее.

— Мистер Финч, боюсь, без паспорта души такой документ не представляется возможным оформить.

Финч надул губы, наклонил голову и затеребил ноготь. Элайджа изучающе смотрел на него.

— Тогда... можно заверить, что я энергичен, амбициозен и нахожусь в поиске спутницы жизни до 28 лет включительно, с возможностью продления до 30 лет в индивидуальном порядке.

Джерроу приподнял бровь.

— Это звучит как брачное объявление, а не как юридический документ.

— Отлично, давайте оформим как брачное объявление! С печатью!

— Нотариус не заверяет брачные объявления.

— Почему? А вдруг она потребует доказательств, что я энергичен?

— Что ж, таким доказательством может стать Ваш Порше... Мистер Финч, допустим, я заверю все эти документы. Вы покажете их девушке. Она спросит: почему Вам нужно заверять свою молодость у нотариуса? Ведь по-настоящему молодые люди не заверяют свою молодость — они просто живут.

Тревор замолчал. Он почти минуту думал над словами нотариуса.

— Значит, мне нужно заверить, что я не заверяю свою молодость?

— Значит заверение не требуется. Живите молодым.

Финч широко улыбнулся, встал с кресла, пожал руку Джерроу.

— Потрясающе. Но бумажку с тестом и фотографии я заберу. Покажу на следующем свидании. А потом прокачу её на Порше.

— Великолепно.

Мистер Финч с тяжелым топотом ног покинул нотариальную контору.

Бриггс подозрительно поглядел ему вслед.

Запись в журнале: «Молодость души. Возраст тела: 40. Возраст души: 25. Возраст, в котором он повзрослеет: не установлен. Порше оранжевый. Вода в стакане закипела от отвращения».